В ТЮРЬМЕ

Известия. – 1996. – 17 янв. – с. 5

17 января в Головинском межмуниципальном суде в Москве продолжится слушание дела Алины Витухновской. А пока суд идет, Алина много и плодотворно работает. Всего три месяца на свободе, а за это время написана повесть «Последняя старуха процентщица русской литературы», готовится к выходу в ПЕН-центре книга «Дело Алины Витухновской», заканчивается работа над «Тюремным дневником», в «Новом мире» будет опубликована поэма, бережно переписанная в клетчатую тетрадку ее подругой по камере. И еще много новых стихов, написанных совсем недавно...

Алина ВИТУХНОВСКАЯ

16 октября 94-го года, поздно вечером, я возвращалась домой с концерта. Возле подъезда на меня напала группа людей. Зажимая рот, выворачивая руки, тащат меня в черный ход. Требуют ключи от квартиры, суетливо шарят по карманам и сумке.

«Федеральная служба контрразведки», — голос из темноты.

Тогда еще пафосное название организации никак не увязывалось в голове с откровенно бандитским обличьем вцепившихся в меня мужчин.

Поднимаются ко мне на этаж, нервничают, стараясь не попадаться на глаза соседям. Встав с пистолетами по бокам двери, требуют: «Звони!» В это время из лифта появляется папа. Они кидаются на него, выбивая из рук ключи.

Вновь: «ФСК. Мы произведем обыск». Папа предлагает позвать в качестве понятых соседей: «Напротив живет отставной прокурор». Я поддерживаю его, зная, что скрывать мне нечего, а вот за странными визитерами как раз желательно проследить. Но нам отказали с НЕОТВРАТИМО НАСТОЙЧИВОЙ ВЕЖЛИВОСТЬЮ: «Не волнуйтесь, мы приведем кого-нибудь сами».

Полтора часа (ДО появления понятых!) более десяти человек ходили по трехкомнатной квартире. Уследить за ними было невозможно. Естественно, когда начался «официальный обыск», на глазах у «кого-нибудь» Откуда Надо, извлекли Все, Что Надо.

Не буду вдаваться в дальнейшие хронологические подробности этой истории. Факты, обнаруживающие явную беззаконность, не раз появлялись в прессе.

Теперь меня УЖЕ не интересуют нарушения норм УПК.

Санкции, возникающие ПОСЛЕ обыска и сомнительные разрешения на прослушивания телефонных переговоров, которые тоже появляются НЕ СРАЗУ.

Откуда берутся и чем руководствуются мальчики, «узнающие» во мне на так называемой «очной ставке» (проводившейся БЕЗ ОПОЗНАНИЯ!) девушку, «внешности которой им никто не описывал», но «именно ту, которая продала им наркотики».

Почему при якобы произошедшей сделке «покупателей» задерживают ТУТ ЖЕ, НА МЕСТЕ, а продавца — СПУСТЯ ПЯТЬ ЧАСОВ.

Для чего «покупателей» предварительно избивают на улице, за палатками.

Почему в момент появления в милиции НАСИЛЬНО приведенного НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО понятого пузырек, якобы изъятый у мальчиков, УЖЕ стоял на столе.

Почему этот факт, всплывший на суде, был проигнорирован обвиняемыми, и ни они, ни их адвокаты не используют очевидную возможность снять обвинение ввиду отсутствия доказательств.

Как всерьез можно обвинять в покупке наркотиков «в неустановленном месте, в неустановленное время, у неустановленных лиц».

Меня не интересует, почему на требования подтвердить в суде голословные обвинения у полковника есть два ответа — «оперативные соображения» и «государственная тайна».

Меня интересует, ЧТО ЗА ЭТИМ СТОИТ.

В восьмом номере журнала «Новое время» за 94-й год была опубликована моя статья о синтетических наркотиках.

Когда люди, пришедшие допрашивать меня «без протокола», спросили, как найти человека, интервью с которым фигурировало в статье, я потихоньку начала обнаруживать причинно-следственную связь.

Когда меня спросили о лабораториях, я подумала: быть жертвой осведомленности — это еще куда ни шло, но быть жертвой неосведомленности!..

Хочется процитировать Доренко, язвившего в последних «Версиях»: «Им неправильно на меня донесли». Или... их СПЕЦИАЛЬНО дезинформировали?.. Они считают меня членом некой группировки, распространяющей наркотики. Тогда моя цель... не разубедить их! Ведь это отлично — быть членом несуществующей группировки, совершать несуществующие преступления.

Впрочем, вопросы, касающиеся непосредственно наркобизнеса, задавались скорее с целью нагнетания обстановки, нежели из желания получить на них ответ.

Похотливая страсть (именно!) разгорелась в их глазах, когда они задали вопрос о злоупотребляющих наркотиками детях влиятельных лиц. Им нужны были компроматы перед выборами. Только компроматы. И больше ничего.

Я им была не нужна — полковник сам проговорился об этом на суде. «Ты нам не нужна, нужные другие», — они говорили прямо.

Дело было сфабриковано кое-как, видимо, лишь потому, что они на 100% уверены в эффективности своих методов. Дело существовало лишь как способ давления и запугивания. Они были уверены, что я стану их агентом-осведомителем. А потом пойду домой. Но я осталась в тюрьме. На целый год. Потому что не сказала. Не из принципа, не из-за смелости. Просто язык бы не повернулся.

Я была возмущена: за кого они меня принимают? Всегда говорила, что мир — изощренный концлагерь. Только теперь изощренность исчезла, а концлагерь остался. Сижу в камере, где на 20 мест 40 человек. Они все время кричат друг на друга. Не сплю. Не ем. Родители не передают передачу, потому что две недели им не дают узнать, где я. Местная пища вызывает отрицательные эмоции, которые оказываются гораздо сильнее голода. По спящим людям ползают мыши и тараканы. В супе находят крысиный хвост. Вынимают и продолжают есть. Я отворачиваюсь. Было бы куда отвернуться!.. По ночам раздаются крики: «Мне плохо! Умираю!». «Умрешь, спишем», — отвечает дежурная. Здесь есть врачи. Но они либо некомпетентны, либо недобросовестны. Одно из двух. Постоянная слежка. Обыски. Дубинки. Которыми бьют. Одна женщина говорит, что чувствует себя трупом, который зачем-то куда-то тащат. «Ты еще чувствуешь?» — недоумевает другая. Многие уверены в том, что вряд ли выйдут на свободу психически здоровыми людьми.

Когда я впервые зашла в камеру, у меня создалось впечатление, что там проводятся съемки фильма. То ли сумасшедший дом, то ли колония двадцатых годов. В глаза бросилось несколько отстраненно-безумных лиц. Но это было не то безумие, в коем прелестна узнаваемость изведанных патологий. Это было очень специфическое безумие, страшное и простое, безумие, ПРИОБРЕТЕННОЕ ЗДЕСЬ.

Специальный докладчик ООН, посетивший Бутырскую тюрьму, назвал условия содержания заключенных не только унижающими человеческое достоинство, но и НАСТОЯЩЕЙ ПЫТКОЙ.

Я писала об этом. Но я повторюсь. И буду повторять до тех пор, пока все не поймут. Меня шокирует то, что я вижу. Я не удивляюсь фашистским условиям, издевательствам персонала, циничному и бессмысленному насилию власти. Я привыкла к ужасу, но никогда не привыкну к людям несопротивляющимся. К людям, которые усваивают порядки с такой ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬЮ, что, кажется, просто ИЗНАЧАЛЬНО НУЖДАЮТСЯ В НИХ. Все формы, все оттенки человеческого характера и чувствительности имеют своей сутью только одно — ПАТОЛОГИЧЕСКУЮ СКЛОННОСТЬ К РАБСТВУ. ОНА И ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНОЙ И ИДЕАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ УПРАВЛЕНИЯ.

Если по капле выдавить из человека раба, то ничего не останется.

И еще кое-что, касающееся непосредственно закона, точнее, статьи 224 о наркотиках. Я не верю, что в основе этого закона стоит гуманность и забота о здоровье человека. Я не видела в тюрьме ни одного настоящего наркодельца. Я видела наркоманов, случайных потребителей, посредников мелкого пошиба и тех, кого просто-напросто подставили. Все эти люди расплачиваются годами своей жизни за звездочки на погонах оперативников, чья цель — отчетность.

Наркотики как продавались, так и продаются в общеизвестных местах. Те, кто имел на этом огромные деньги, сейчас имеют еще большие деньги. Они нисколько не обременены элементарной осторожностью. Они ничего не боятся, потому что им нечего бояться. А подросток, получивший «в подарок» дозу ЛСД или таблетку «экстеси» либо суррогат, признанный услужливой экспертизой наркотиком, становится жертвой профессионалов. Он, подросток, вряд ли подозревал о том, что миллиметровая «промокашка» ЛСД — это «наркотик в крупных размерах», хранение которого можно представить как «с целью сбыта». Срок до 10 лет.

И он сядет в тюрьму, если не «сдаст» своих друзей, или не «подставит» врагов, или не подпишет документ с надиктованными фамилиями.

Почти как в 37-м году. Еще хуже. Я не поощряю использование государством любых агентов. Я просто не понимаю этого, какими бы величайшими интересами ни прикрывались. Предательство всегда остается предательством, а подлость — подлостью. Государство, построенное на доносах, не стоит того, чтобы блюсти его интересы. Использование в качестве агентов наркоманов — безумие, безумие, которое будет (!) стоять в основе тоталитарного государства. Наркоман за дозу наркотиков «сдаст» и родного отца. Павлик Морозов образца 1996 года.

...Несколько человек возвращались с вечеринки. Подошедшие к ним товарищи в штатском предложили отправиться с ними в отделение милиции. Бездумно доверившись незнакомцам, компания своими ногами (!) отправляется в отделение, убежденная, видимо, не только в своей невиновности, но и в защищенности. Тех, кто с живописно исколотыми венами, почему-то отпускают. Оставшегося обыскивают и, конечно, находят наркотик. Быстренько оформляют уголовное дело. А потом приносят бумажки на подпись: «в тюрьму», «согласие на сотрудничество». Подписавшего «согласие» отпускают домой. Дело между тем оформлено. Через некоторое время «свободный» человек понимает, что он — человек, навсегда пораженный в правах. Родители недоумевают, глядя на его беспричинное, как кажется им, отчаяние. Они немного в курсе истории, она, конечно, малоприятна. Но к чему так терзаться? Самое интересное, они не знают, что он подписал «согласие на сотрудничество».

Тюрьма похожа на информмагистраль — то, что произошло в одном ее конце, тут же становится известно в другом. Следователи злились на меня за то, что я не стала с ними сотрудничать, и значит, зря были потрачены время, силы и деньги на мое задержание. Они злились за то, что их методы не сработали, за то, что я категорически отрицаю инкриминируемое мне преступление. Через несколько дней после их последнего визита мне сообщили о том, что каким-то заключенным дали подписать показания против меня, гарантируя скорое освобождение. Тюрьма — завод по производству осведомителей, место, где скрытая доселе трусливая подлость получает свое фактическое действенное подтверждение. Физические и метафизические страхи превращаются в реальные факты. От вторых в отличие от первых никогда никуда не убежишь. Если вы даете себя использовать однажды, вас будут использовать всегда. Вас будут только использовать. Вас будут использовать КАК УГОДНО. Система ищет своих рабов. Рабы ищут свою систему. В тюрьме, где они находят друг друга, система пожирает раба ЧЕРЕЗ ЕГО РАБСТВО.

В стране растет поколение осведомителей. И если половина населения окажется в лагерях, а другая половина будет эти лагеря охранять, это не государство будет виновато и не органы. Это поколение будет виновато. Потому что позволяет себя вербовать.

Увеличивается число агентов. Тихо и незаметно.

Вы не замечали? Обратите внимание. Так, на всякий случай. Не думайте об обществе. Подумайте о себе. Вдруг именно вы — отец или мать Павлика Морозова?